

КОНФЛИКТ "ОТЦОВ И ДЕТЕЙ": НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

(Участие молодежи Центрального Черноземья

в политических кампаниях 1928-1930 гг. в деревне)

CONFLICT OF "FATHERS AND CHILDREN": NEW READING

I.V. Goncharova

In the article speech goes about the selection of young people bolsheviks in the special age-related group becoming from one side the object of increased influence of power, from other – active participants of political campaigns. The article is base on regional material of black Centrally-earth area. Reasons of politicizing of young people are analysed, to the feature of perception of this process in a peasant environment, and also strategy of adaptation of young people to the new socio-political terms. A rate on young people in socialistic transformation of village is estimated as one of reasons of success of power.

Keywords: Centrally-Chernozemye, young people, village, peasantry, collectivization.

Гончарова Ирина Валентиновна

кандидат исторических наук

ФБГОУ ВПО "Орловский

государственный университет"

Аннотация:

В статье идет речь о выделении молодежи большевиками в особую социально-возрастную группу, ставшую, с одной стороны, объектом усиленного воздействия власти, с другой – активным участником политических кампаний. Статья основывается на региональном материале Центрально-черноземной области. Анализируются причины политизации молодежи, особенности восприятия этого процесса в крестьянской среде, а также стратегии адаптации молодежи к новым социально-политическим условиям. Ставка на молодежь в социалистическом преобразовании деревни оценивается как одна из причин успеха власти.

Ключевые слова:

Центральное Черноземье, молодежь, деревня, крестьянство, коллективизация.

Социалистическое наступление на деревню было невозможно без раскола деревенского социума по выделенным большевиками критериям. При этом население делилось на группы не только по социально-экономическим, но и половозрастным признакам. Так, вместе с беднотой в качестве таких целевых групп воздействия выделялись и обособлялись женщины и молодежь. При этом для каждой целевой группы была своя доминантная задача: бедняки должны были обеспечить социальную базу при раскулачивании и коллективизации, активизация женского участия предполагала разрушение традиционного института патриархальной семьи и гендерное противостояние, на молодежь возлагалась задача разрыва преемственности поколений и раздувание конфликта "отцов и детей".

Ставка на молодежь была сделана уже в 1920-е гг. Революции и гражданская война, "обескровившие", по словам Л.Виолы, сельское хозяйство, привели к нарушению связей между городом и деревней, падению культурного уровня и изоляции деревни [2, с.65–66]. Разрыв устоев наиболее ярко проявлялся в среде деревенской молодежи. За изменением характера производства и собственности в процессе социалистического преобразования деревни стояли глубокие катаклизмы сельского мира, в том числе конфликт "отцов и детей". Итогом преобразований 20–30-х гг. стало не только раскрестьянивание деревни и изменение ее традиционного облика, но и трансформация системы ценностей крестьянского населения. Социалистический эксперимент был нацелен, в

первую очередь, на молодых исполнителей. Общественно организованная молодежь выдвигалась партийцами на передний край наступления на "старую деревню", она была призвана подточить ее изнутри, раскалывая патриархальные семейные и общинные традиции.

В 1920-х гг. молодежь оказалась в эпицентре новых мифов и символов. "Красные пасхи", "Красные рождества", "октябрины", антрирелигиозная кампания и другие знаковые мероприятия затрагивали, в первую очередь, молодых людей. Л.Виола отмечает: "Сельский комсомол представлял активную и для многих взрослых ненавистную силу крестьянской политики, которую, как правило, было слышно и видно лучше, чем сельский актив компартии" [2, с.67].

Старшее поколение на подсознательном уровне ощущало угрозу разрыва преемственности поколений, исходившую от большевиков. Наблюдатели в курской деревне отметили очень характерный для крестьянской психологии момент. Один из опрошенных крестьян признался: "А что до пропаганды, то я ее не слушаю; терпеть я ее не могу, а этих, которые пропагандируют,...подсядет и пропагандирует...не знаю, что бы сделал с ним...". Я.А.Яковлев отмечал, что дело здесь не в новых призывах, а в раздражающей идеологической экспансии, обесценивающей прежнюю крестьянскую жизнь. "Что он (крестьянин – И.Г.) понимал под словом пропаганда – не понять было, но сразу чувствовалось, что здесь таится глубокая ненависть зажиточного мужика к тому, что на-

валило на него из города и расшатывает его исконную, от дедов, сто лет живших, идущую жизнь" [10, с.27].

Молодые люди были главными участниками приоритетного для большевиков эксперимента по созданию новых форм быта – коммун. Например, из 80-ти беднейших крестьян села Никольского Орловского уезда, организовавших образцовую "Коммуну III Интернационала" в августе 1918 года, почти все были молодыми людьми [3, л.74].

Агентами власти в деревне были сельские коммунисты, возраст которых в Черноземье колебался в пределах 25 –32 года [5, с.45]. Активное участие молодежи, составлявшей преобладающую часть деревни, базовая система ценностей которой закладывалась в революционное и послереволюционное время, обеспечило успех аграрных преобразований конца 1920–начала 1930-х гг.

На социализацию молодежи и повышение ее политической активности были направлены политико–просветительные мероприятия. В 1927/28 г. в Орловской губернии в орбиту партпросвещения попали 5292 человека, из них беспартийные составляли 1032 человека. В деревенской сети партпросвещения действовали 42 школ–передвижек и курсов–съездов, 37 стационарных учреждений, 248 предметных кружков с различными программами. Партийные образовательные структуры коснулись 4525 крестьян, 3846 из них прошли курс обучения до конца. В Орле действовали 28 нормальных школ, 13 сокращенных, 4 вечерние советские партийные школы, 1 курсы партийного актива и 2 базовые школы с общими предметами с общим охватом слушателей – 2259 человек, 1446 из которых получили свидетельство об окончании[4, л.59].

В Орловском округе в 1929/30 учебном году планировалось открыть 25 школ политграмоты и 8 вечерних советских партийных школ, разворачивались постоянно

действующие 5 курсов–съездов по 3 оборота выпускников в год. Для пропагандистов регулярно созывались совещания и организовывались курсы переподготовки и 200 кружков повышенного типа. Партпросвещение Орловского Округа должно было обойтись в существенную на конец 20-х гг. сумму – 142380 руб. [4, л.6]

Через кампании коммунистического просвещения и воспитания руководство стремилось привить крестьянству в упрощенном виде базовые положения марксистско–ленинской теории, а также приблизить культурный уровень селян к общероссийскому городскому стандарту. При этом местные партийные органы проявляли устойчивый интерес к сельской молодежи, чье идейно–политическое формирование пришлось на революционный период. Молодые люди могли стать надежными союзниками управленческих структур в деле установления контроля над деревней. Партийные пропагандисты апеллировали к любопытству и социальной энергии молодого поколения; пользовались неопытностью и психологической неустойчивостью сельской молодежи. Результаты этой работы были довольно успешны.

Низовыми работниками партпросвещения были деревенские пропагандисты. Они вооружалась знаниями при помощи таких журналов, как "Комреволюция", "В помощь партийной учебе", "Пропагандист", "Ленинский путь". Для проведения политически грамотной линии в деревне они получали незначительную теоретико–идеологическую подготовку: политэкономию (в объеме 60 часов), ленинизм (74 часа), экономполитика (62 часа), истмат (93 часа), методика (40 часов). Из докладной записки в ЦК ВКП(б) о работе курсов по переподготовке деревенских пропагандистов мы узнаем, что из 42 человек, прошедших курсы с 2 июня по 21 августа 1929г., 31 были моложе 30 лет, большинство – около 25 лет. Партийный стаж в основном не превышал 2 лет, незначителен был и опыт практической работы. 28 будущих агитаторов были выходцами из сельской среды, 33 человека имели

начальное общее образование и только 9 – среднее, 31 из них прошли обучение в советской партийной школе 2-й ступени, 7 человек в анкете багаж политической подготовки обозначили как "политсамообразование" [4, л.78].

Таким образом, социальный портрет деревенского пропагандиста, вырисовывается в следующем виде: крестьянин в возрасте 23–28 лет, с начальным общим и партийным образованием, недавно вступивший в партию, как правило, с кратким (до года) опытом работы. При этом чаще всего шаткие идейные установки поддерживались стремлением использовать партию как лифт социальной мобильности.

Молодость, социальная среда, отсутствие опыта практической и революционной деятельности накладывали отпечаток на бойцов идеологического фронта: "У одних он выливается в форме "разухабистости" с оттенком индивидуального анархизма, у других – в форме замкнутости, уединения, замыкания в себя". "Болезненные настроения" отмечались и в упорном стремлении удалиться от работы в деревню и уйти от пропагандистской деятельности. Представители института красной профессуры, анализирувавшие настроения пропагандистов, объясняли это явление, во-первых, тяжелыми условиями работы в деревне, во-вторых, неприятием местного населения, а также "элементами ревности к городским работникам". И действительно, агитировать односельчан за кампании хлебозаготовок, напоминая вооруженные изъятия хлеба времен военного коммунизма, или резко увеличенный налог, чередующийся с самообложением и многочисленными займами, сеять социальную рознь в деревне, рассуждая о "кулаках" как внутренних врагах, не имея четких критериев их вычленения, было неблагоприятным занятием. Бесперспективность крестьянского существования порождала стремление использовать институт образования в качестве социального трамплина для ухода в город.

К категории "гораздо более опасных" относились упадочные настроения среди этих молодых людей, не видевших в проводимой политике практического преломления теории строительства социализма. Они должны были подготовить идеологическую базу коллективизации в деревне, а сами не верили в успех колхозного строительства. В разговорах некоторых было заметно отсутствие перспектив и разочарованность: "Эти товарищи почти все Есенина знали наизусть. Причем относились к нему даже с некоторым преклонением". Однако не все были так лирично настроены. Среди молодых, только что вступивших в партию пропагандистов, встречались и сторонники чрезвычайных мер. Административный произвол был неотъемлемой частью проводимой большевиками политики в деревне в конце 20-х гг., что открывало дорогу для реализации властных амбиций: "Придется нажимать, без нажима ничего не сделаешь" [4, л.77].

Политизация молодежи использовалась для ее привлечения к политическим кампаниям. Комсомольцы с

начала 1928 г. активно привлекалась к хлебозаготовкам, стали частью репрессивного аппарата, нацеленного на крестьян, не желавших по твердым заниженным ценам сдавать государству хлеб. Поэтому комсомольцы осуществляли ночное патрулирование дорог, проводили подворные обходы, заставляли крестьян подписывать договоры на ссыпку хлеба, работали уполномоченными по хлебозаготовкам, а местами и возглавляли хлебозаготовительную кампанию. Этим мероприятиям в комсомольской среде способствовал заметный удельный вес батрацко-бедняцких элементов, к которым апеллировала власть, а также стремление определенных слоев юношества к уравнительной справедливости.

Наибольшим рвением в хлебозаготовительной работе отличались те молодые люди, для кого комсомольская работа была карьерой. Осенью 1929 г. на участие в хлебозаготовках было направлено 350 комсомольцев в Львовском округе, 318 – в Елецком, 275 – в Россошанском, 269 – в Борисоглебском. Всего по Центрально-Черноземной области было мобилизовано 2561 комсомольцев [8, с.101].

Привлекались комсомольцы и в колхозное строительство. В перечень новых обязанностей входила организация совещаний для колхозной молодежи и агитация тех, кто еще не вступил, организация популистских акций, как например, поход за урожай, "день первой борозды" и т.п. Но самым главным был процесс организации колхозов. В весеннюю посевную кампанию 1929 г. они организовали 150 колхозов [9, с.86–87]. С учетом того, что этот показатель приходился на "бумажный" период колхозного строительства, цифра не слишком велика. По всей видимости, процесс вступления комсомольцев в колхозы был весьма сложным. В 1929 г. по всей ЦЧО в колхозы входило лишь 2900 комсомольских хозяйств, что составляло 11 % к общему составу организации, несмотря на то, что VIII съезд и VI конференция ВЛКСМ выдвинули требования о поголовном вовлечении в колхозы домохозяев.

Кампания перевыборов в органы колхозного самоуправления дала снижение комсомольцев в них с 8,6 % в 1927 году до 3,1 % в 1929 г. В 4000 колхозов области было 180 комсомольских ячеек. Даже задача коллективизировать хозяйства руководящих комсомольских работников оставалась невыполненной. Часть молодежи была настроена негативно в отношении проведения политики партии в деревне. Но в 1930 году для сельского комсомольца альтернативой вступлению в колхоз было исключение из комсомола, обвинение во вражеских намерениях, а значит и разделение судьбы раскулаченных.

Несмотря на то, что антиколхозные настроения среди организованной молодежи были очень распространены, в общественном сознании крестьянства комсомол, как организация, к началу 1930-х гг. устойчиво воспринимался как один из инструментов не только антикулацкой, но и антикрестьянской политики. Все примеры организа-

ционной помощи деревенским жителям со стороны комсомольцев уходили в массовом сознании на второй план по сравнению со случаями выявления "кулацких хозяйств", составления описи имущества раскулаченных, оформления материалов на выселение и сопровождения раскулаченных из района. "Комсомол на селе – бельмо на глазу у наших врагов", – отмечал С. Орджоникидзе [6, с.296]. Крестьяне угрожали молодым общественникам расправой, поджогами, побоями.

Комсомольцы в свою очередь не дифференцировали проявление агрессии и несознательности крестьян, воспринимали любое сопротивление деревенских жителей распоряжениям партийцев, их протесты и сомнения как целенаправленное выступление против политики партии в деревне. Провокационную роль сыграли решения местных комитетов комсомола, подающих поощрения на комсомольцев, как свидетельства хорошей работы комсомола. Это стимулировало социальный конфликт комсомольской молодежи и основной массы крестьянства. Новое поколение, ориентируясь на будущее, смотрело на деревню как средоточие экономической и культурной отсталости.

Стремление быстрее очистить деревню от пережитков способствовало активному участию молодежи в кампанию по раскулачиванию. Например, при содействии комсомольцев в Алексеевском районе было раскулачено 310 хозяйств, в Острогжском – 35666. В Токаревском районе 34 комсомольские бригады выявили и раскулачили 83 хозяйства и т.д. [7, с.76–77]

В 1929 г. в комсомоле была развернута широкая агитационно-пропагандистская кампания за создание колхозов, именуемая походом за урожай и коллективизацию. Для организации работы на местах в села выехало 1562 комсомольца, посланных обкомом и окружками ЦЧО. Комсомольцами ЦЧО было организовано 335 инициативных групп. Они создавали также специальные группы плановиков, которые помогали правлениям колхозов регламентировать работу.

Задачи участия комсомола в коллективизации выходили за организационные и агитационные рамки. Нельзя не согласиться с В.А. Бондаревым, который считает, что "коллективизацию следует рассматривать как комплекс взаимосвязанных аспектов: социокультурного, социально-политического, социально-экономического, организационно-технического" [1, с.36]. Молодежь, активно задействованная в социокультурных преобразованиях деревни, должна была показывать образцы новой жизни и нового мышления. Одна из задач этого плана была сформулирована председателем обкома ЦЧО И.М. Вайкейсом весной 1930 г. – разложение кулацких семей. "Нужно повести молодежь против кулака. Это новая проблема отцов и детей" [8, с.110]. В реальности проблема "отцов и детей" возникла не только в кулацких семьях. Для многих крестьян старших поколений коллективизация несла разрушение всего уклада жизни, морально-нравственных ориентиров. Нажим на коммунистическую молодежь приводил к тому, что даже по отношению к близким людям комсомольцы совершали аморальные поступки: уходили из семей, не поддерживая с ними связи, публично отрекались от отцов, раскулачивали соседей, доносили на противников коллективизации.

Было много мотивов, по которым большая часть комсомольцев поддерживала новый курс власти в деревне. Одни опасались репрессий, другие боялись расстаться с комсомолом, как с трамплином для более счастливой жизни. Часть комсомольцев являлась выходцами из бедняцких семей, поэтому у них отсутствовала реальная перспектива в одиночку вырваться из нищеты. Они приветствовали чрезвычайные меры в деревне изначально, как фактор ускорения социально-экономического развития, как шанс покончить с материальным неравенством жителей деревни. Нельзя не учитывать и традиционное для молодежи стремление радикально решать накопившиеся проблемы, подкрепленное недавним революционным опытом. А грандиозный социалистический эксперимент, поставивший молодых людей в "новое измерение", рождал иллюзию возможности реализации самых смелых и невероятных проектов.

На коллективизацию сработало и желание комсомольцев, особенно девушек, выйти из-под опеки многопоколенной крестьянской семьи, которая переживала после революции глубокий кризис. Коллективизация подрывала экономические основы авторитарной патриархальной семьи. С другой стороны, авторитарность межличностных отношений, привычная для комсомольцев в крестьянских семьях, сыграла роль важной психологической предпосылки насильственной коллективизации. Патерналистские традиции персонифицировались в лице вождя и в партии в целом. Комсомольцы находились в авангарде раскрестьянивания деревни, осуществляли натиск не только на ее экономическое, но и культурное прошлое.

Одним из решающих факторов стало непонимание ценностей крестьянского мира городскими комсомольцами, которые, как правило, считали, что в силу темноты

и невежества деревни ее нельзя модернизировать без насилия.

Жесткость хлебозаготовительных кампаний, раскулачивания и коллективизации, стремление превратить деревню в источник ресурсов для индустриализации сделали невозможным соглашение власти и крестьянства. Негативное отношение крестьянства к власти распространялось и на комсомольцев. По мере расширения репрессий антикомсомольские настроения в деревне усилились многократно. Их радикальным проявлением стали террористические акты против комсомольцев. Власть умело использовала такие черты юношеской психологии, как эмоциональность, радикализм, неумение идти на компромисс. Спровоцировав крестьянство на экстремистские действия, она объясняла это происками "классовых врагов", убеждая молодежь в необходимости скорейшего и немедленного строительства социализма.

Таким образом, крестьянская молодежь была целенаправленно выбрана властью как наиболее социально активный, без устойчивой системы ценностей проводник

революционных преобразований. Отсутствие опыта, социальная незрелость наряду с загадочными перспективами участия в грандиозном общественном эксперименте, делали молодых людей удобными агентами власти, особенно в сфере идеологической подготовки коллективизации. Агитация сельчан при помощи молодых, неопытных и слабо образованных выходцев из крестьянской среды была эффективна не столько с точки зрения донесения новых принципов, сколько с позиций раскола деревни. При этом участвовавшая в этих процессах деревенская молодежь отнюдь не была политически близорука, применяя опыт обучения как инструмент реализации властных амбиций, либо как способ социальной мобильности. Использование школы и комсомольской работы в качестве трамплина для карьерного роста и ухода из деревни – весьма характерная черта действительности конца 20–начала 30–х гг. Для молодых деревня ассоциировалась с уходящим прошлым, жизнь в городе казалась динамичнее и привлекательней. Миграция в город освобождала и от насильственной коллективизации. Потеря молодых сил, однако, негативно сказалась на самой деревне: в процессе раскрестьянивания и социалистической ломки она теряла потенциал активной и мобильной рабочей силы.

Участие молодежи в политических кампаниях имело многоцелевое значение. В процессе коллективизации изменялся не только крестьянский мир, воспитывалась сама молодежь, готовились кадры для будущего общества. Это сопровождалось разрушением семейных и общинных связей, изменением нравственных ценностей, усилением мобильности. Активное участие молодых людей, воспитывавшихся в послереволюционное время с незрелыми политическими и экономическими представлениями, но с большим социальным энтузиазмом, являлось одним из факторов успеха социалистического преобразования деревни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20–начале 40–х гг. XX в. (На материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
2. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М., 2010.
3. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1305.
4. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 142.
5. Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933). – Тамбов, 2005.
6. Орджоникидзе С. О молодежи. – М., 1937.
7. Очерки истории комсомольских организаций Центрального Черноземья. – Воронеж, 1978.
8. Слезин А.А. Молодежь и власть. Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг. – Тамбов, 2002.
9. Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-черноземной области (1928–1932 гг.). – М., 1963.
10. Яковлев Я. Деревня как она есть. – М., 1924.